

АННА ДАНИЛОВА

Филе женщины в винном соусе

КРОВЬ НА КЛАВИШАХ...
НА СТРУНАХ ВИОЛОНЧЕЛИ...

Анна Данилова

**Филе женщины в винном
соусе. Кровь на клавишах...
на струнах виолончели...**

«Издательские решения»

Данилова А.

Филе женщины в винном соусе. Кровь на клавишах... на струнах виолончели... / А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831799-6

Стоит только ей, скромной учительнице музыки, коснуться клавиш, как ее начинают посещать видения, связанные с преступлениями, совершенными где-то рядом... Брызги крови на клавишах, дым в комнате, крики жертв... Ее талант не может не быть замечен...

ISBN 978-5-44-831799-6

© Данилова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Филе женщины в винном соусе
Кровь на клавишах...
на струнах виолончели...
Анна Данилова**

© Анна Данилова, 2016

ISBN 978-5-4483-1799-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

РЫЖЕБОРОДЫЙ

В такой промозглый зимний вечер меньше всего хотелось выходить из дому. Но в холодильнике было хоть шаром покати, а потому пришлось поехать на ночь глядя в магазин. Наталия, накинув на голову капюшон, неуверенно ступила на заледенелый асфальт, переливающийся всеми цветами радуги от бегающих огоньков рекламы в витрине этого супермаркета, который работал до полуночи и был рассчитан на таких вот склеротиков, как она, и, едва прикрыв за собой дверцу машины, не спеша взошла на высокое крыльцо. Когда она оказалась в ярко освещенном зале, у нее зарябило в глазах от обилия ярких упаковок продуктов, которыми были забиты прилавки; толкая перед собой корзинку на колесиках, она принялась загружать ее банками и коробками, бутылками и брикетами... Занятие приятное с утра и утомительное для такого позднего времени. Но хотя бы раз в неделю это делать было все же необходимо.

Уже возле кассы Наталия вспомнила, что забыла купить мыло, шампунь и салфетки, и вернулась в конец зала. В магазине было мало посетителей, и она не могла не заметить эту парочку. Ему от силы лет шестнадцать, а ей – под сорок. Такие знакомые лица, особенно этот мальчик в зеленой замшевой куртке, припорошенной снегом, и надвинутой почти на самый лоб вязаной пестрой шапочке. Похоже, что совсем недавно Наталия его где-то видела. Но где?

То, что это не мать и сын, чувствовалось по тому, как они обращались друг к другу – и не то чтобы нежно, но как-то внимательно, предупредительно, словно они договорились об этом заранее и теперь строго соблюдали уговор. Что-то искусственное было в тех репликах и взглядах, которыми они обменивались время от времени, разглядывая по очереди жестяные расписанные райскими птицами банки с чаем и коробки с бисквитами. Наталия вернулась к своей корзинке и стала смотреть, как молоденькая продавщица считывает специальным приспособлением магнитный код с упаковок, как зажигаются на кассовом аппарате зеленые циферки, как молодой человек с бесстрастным взглядом механическими движениями укладывает продукты в пакеты и передает их другому парню, в свою очередь складывающему все это в тележку, чтобы доставить прямо к машине.

Сейчас она сядет в машину и покатит по белым от снега ночным улицам в район, где живет. А та пара, которая почему-то произвела на нее несколько странное впечатление своей оригинальностью и непонятностью отношений, возможно, отправится совершенно в другую сторону. А почему бы и нет? Наталия захлопнула дверцу и стала наблюдать из окна, к какой машине они подойдут. Когда за прозрачным стеклом появилась зеленая куртка и пестрая – желтая с красным и черным – шапочка, она почему-то вздрогнула. «Откуда же я знаю этого мальчика?»

Хотя по возрасту он вполне мог быть ее учеником. Неужели это Антон? Скрипач, бравший у нее три года тому назад уроки общего фортепиано? Неужели он так вырос? И что делает в такое время в супермаркете с этой женщиной? Они прошли к сверкающему белоснежному «Мерседесу», женщина села за руль, Антон – рядом. Продукты, которые они купили, уместились в одном пакете. И куда же они теперь? Впереди была вся ночь. Спать не хотелось, поэтому Наталия решила проследить за ними. Но не успела она выехать на центральный проспект, как ехавший перед ней «мерс» начал развивать огромную скорость. Они куда-то спешили... Как интересно. Наталия тоже прибавила скорость. Но потом вовремя одумалась: что она делает? Зачем ей знать, куда едет ее бывший ученик... Она притормозила, развернулась и поехала домой. Лифт уже не работал, поэтому пришлось подниматься пешком. Пятый этаж. Чьи-то мокрые следы вели в сторону ее квартиры. Значит, не только она позволяет себе так поздно ходить по ночным улицам города.

– Вы кто? – спросила она у человека в черном пальто, подпиравшего дверь ее квартиры. – И почему стоите возле моей двери?

– А вы по-прежнему даете уроки музыки? – спросил он. Это был мужчина лет тридцати пяти с холеным голубоглазым лицом и бородкой цвета фальшивого золота.

– И вы пришли поговорить со мной на эту тему в двенадцать часов ночи? Да подите прочь!

Но она уже узнала этого человека. Он приходил сюда не впервые. Сначала он стоял под деревом в ее дворе, затем сидел на скамейке в сквере, куда выходили ее окна. Потом она видела его прячущимся за гаражами, приблизительно там, где находился и ее гараж, позади дома. Его очень трудно было не заметить из-за высокого роста, длинного черного пальто, черной шляпы и оранжевой веселой бороды. Он точно сбежал с генеральной репетиции местного драматического театра, настолько был колоритен и ярок. Наталия еще тогда отметила про себя, что незнакомец, очевидно, из богемной среды и, скорее всего, «голубой».

– Вы же замечали меня и раньше... неужели вам не хочется узнать, зачем я слежу за вами?

– Не хочется. Единственное, что мне сейчас хочется, это поужинать и лечь в постель. Как видите, вас в моих планах нет. Так что если у вас ко мне дело, то давайте отложим его на завтра. – И с этими словами она решительно поставила на коврик перед дверью все свои пять пакетов, под тяжестью которых почти сгибалась, достала ключи и, постоянно следя боковым зрением, как бы этот тип чего не выкинул, принялась отпирать замки. Их было несколько.

– Меня зовут Матвей.

– Утром я бы сказала вам, что мне это очень приятно. Из вежливости, конечно. А сейчас я настоятельно рекомендую вам убираться отсюда. Неужели вы не понимаете, что одно только ваше присутствие здесь в такой час говорит о том, что вы – социально опасный тип. Все благочестивые горожане уже спят и видят десятые сны. Какого черта вам понадобилось приходить сюда?

– Я родной брат Антона. Мы уже встречались с вами однажды, пять лет тому назад. Я приходил за Антоном, чтобы от вас отвезти его на английский. И тогда вы отнеслись ко мне гораздо лучше. Напоили чаем и угостили совершенно восхитительным печеньем. Антон тренькал на фоне (иначе его игру назвать просто невозможно), а я пил чай и смотрел на вас.

– Вот черт. – Наталия, раздосадованная своей несправедливостью по отношению к гостю, даже не заметила, как чертыхнулась. – Извините. Мне надо было сразу понять, что просто так ночью действительно никто не приходит. У вас что-то случилось? Помогите мне внести все это в дом... – Она открыла дверь, и Матвей, подхватив пакеты, вошел за ней следом в квартиру.

– Да, случилось.

– Но почему вы пришли именно ко мне?

– А вы не догадываетесь?

– Нет.

– Мне бы не хотелось говорить в прихожей. Антон мне слишком дорог.

– Ах да, извините, раздевайтесь, пожалуйста. Сейчас я согрею чай и мы с вами поужинаем.

«И все равно он мог бы прийти утром. Несколько часов все равно бы ничего не решили. А теперь мне придется ужинать один на один с незнакомым человеком и на ночь глядя выслушивать все его проблемы. Зря я так расслабилась». Она пригласила его жестом сесть в кресло:

– Кажется, вы говорили про какого-то Антона. Кто это?

– Давайте не будем с вами играть в кошки-мышки, – совершенно неожиданно для Наталии сказал рыжебородый и забарабанил пальцами по гладкой поверхности журнального столика. – Что вы из себя строите невинность-то? Мы взрослые люди; зачем, я повторюсь, делать вид, что вы не понимаете, о чем идет речь?

В комнате стало необычайно тихо. С улицы через форточку доносился вой порывистого ветра.

– И тем не менее я вас не понимаю. О каком Антоне идет речь?

– О вашем бывшем ученике. Антоне Лискине.

– Да, у меня действительно был ученик, которого звали Антон и фамилия у него, как вы говорите, была Лискин. Но что ж с того?

– Вот, смотрите. – Рыжебородый протянул Наталии мятый, сложенный вчетверо листок. – Прочитайте, это вас касается.

Она взяла его и начала читать: «Н., ты – главное, что есть в моей жизни. Я обожаю тебя так, как только может обожать такой неопытный и несмышленный мальчик, как я. Не смейся надо мной. Но когда я вижу тебя, твои черные глаза, красные губы и родинку на мочке твоего шелковистого, с нежным чуть заметным пушком ушка, моя жизнь сразу же наполняется смыслом».

– Я не могу это читать. Неужели вы не понимаете, что это любовное письмо. Или вы сами никого не любили?

– Но Антон больше всего на свете любил только вас. У него до сих пор все стены в комнате оклеены вашими увеличенными фотографиями. Он как бредил вами, когда вы еще занимались с ним, так и бредит до сих пор.

– Но вы-то зачем пришли ко мне?

– Я думал, что он у вас... – Матвей машинальным круговым движением пригладил бороду и широко раскрыл глаза, очевидно уже и сам понимая, что ошибся и пришел не по адресу.

– И поэтому вы следили за мной? Думали, что я скрываю вашего Антона?

– Ну конечно. Неужели он даже не заходил к вам?

– Я не видела его почти пять лет. Тогда ему было тринадцать. Сейчас, стало быть, восемнадцать. Возраст, когда мечтают. Он вернется. – Она не была уверена, что надо рассказать этому человеку о том, что видела Антона только что в супермаркете. Надо же – какое совпадение! Не видеть пять лет, а потом случайно встретить и через полчаса узнать, что он ушел из дому.

– Он что же, ушел из дому?

– Представьте. И уже отсутствует целую неделю.

– И все равно не понятно, почему вы решили, будто он у меня. Фотографии на стенах и любовное письмо – это еще не повод приходить ко мне ночью. Как видите, Антона вашего здесь нет. На том и расстанемся. Оставьте мне свой телефон – если я его случайно встречу, то обязательно позвоню.

Она уже вспомнила и Матвея, каким он был пять лет назад: без бороды, но с длинными кудрявыми рыжими волосами. Он вел себя всегда очень церемонно, по тысяче раз извинялся, но большей частью все же молчал и ждал, когда же наконец закончится урок. Не каждому учителю понравится проводить занятие в присутствии родителей или других родственников ученика. Но этого молодого мужчину она почему-то не принимала во внимание вообще, он был для нее словно, предмет мебели – такой же неподвижный и тихий.

– Я уйду, конечно, – сдерживаясь, проговорил брат Антона, поднимаясь и держа голову по-птичьи – склонив набок, – и столько презрения было в его взгляде! – Но я вам не верю. Вы просто прячете его где-нибудь. Я бы ни за что на свете не пришел к вам, если бы не был уверен... Вас видели вместе. И не один человек. Вы встречаетесь с ним тайком, разворачиваете его. И я обещаю вам, что все равно выслежу и узнаю, где вы развратничаете. Антон – такой чистый мальчик. Вы можете ему сломать жизнь.

«Да он просто болен!» Наталия решительно поднялась из-за стола, схватила непрошеного гостя за рукав пальто и сколько было силы толкнула его по направлению к двери.

– Негодяй. Увижу еще раз – костей не соберете, – пригрозила она, отпирая двери и вытаскивая его на площадку. – Советую вам поискать брата в другом месте. – Она чуть было не сказала: «У другой женщины».

Дверь захлопнулась. Она еще некоторое время слышала удаляющиеся шаги.

Какая нелепость!

И все же она не особенно-то разозлилась на этого рыжебородого. Очевидно, ему действительно кто-то сказал о том, что их видели вместе. Просто какие-нибудь общие знакомые могли встретить Антона в обществе другой женщины. Наталия закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на супермаркете и той женщине, которая была там вместе с Антоном. Как она выглядела? Лет сорока, светловолосая, голубоглазая, с оранжевыми губами... Длинное меховое пальто из светлой норки. Холеная, роскошная. Антон мог запросто влюбиться в нее. И уйти из дому. Конечно, это скандал, но рано или поздно мальчики влюбляются и пытаются доказать всем окружающим, что любовь – самое важное, что существует в этой жизни.

Аппетит пропал. Разбирать пакеты с едой не хотелось. Наталия прошла к себе в «классную» (как она называла комнату, где обычно занималась с учениками и где стоял черный кабинетный рояль), открыла крышку и нажала ладонью на белые, мерцающие в голубоватом сумраке комнаты клавиши. Тотчас же послышался беззащитный, похожий на вскрик приглушенный аккорд. Инструмент всегда напоминал ей живое существо, с которым можно было безмолвно пообщаться, излить ему свою душу или просто послушать его всегда такой непредсказуемый звук. Соседи уже привыкли к тому, что Наталия играет на рояле в любое время дня и ночи. И если раньше они жаловались в ЖЭК и требовали чуть ли не выселения, то теперь, после того как «сумасбродная музыкантша» уплотнила стены, примыкающие непосредственно к квартирам соседей, все замолчали. Звукоизоляция была превосходной. И только по ночам можно было услышать еле пробивающиеся тихие и безобидные звуки, которые могли скорее убаюкать, нежели разбудить. Не зажигая света, она села на вертящийся гладкий круглый стул и начала играть что-то меланхоличное, медленное.

Глава 2

ДРАГОЦЕННЫЕ ПРЕЛЮДИИ ШОПЕНА

И снова начались эти видения. Она играла с закрытыми глазами, но ее воображение в это время, переливаясь красками и наполняясь пробуждающимися звуками, рисовало ей какие-то фрагменты ее прошлой жизни, отрывки из увиденных недавно кинофильмов. «Классная» ночью превращалась во что угодно, уступая место снам. Правда, и сны ей снились все так же часто, и по утрам не покидало ощущение того, что это были не сны, а живая реальность. Наталию сначала это пугало. Но прошло уже полгода с того момента, как начались эти видения, но ни на здоровье, ни на психике это не сказалось. А сказалось это скорее на ее финансовом благополучии.

Впервые видения помогли ей как раз больше года тому назад, когда из учительской музыкальной школы, где она работала, кто-то украл совершенно потрясающий альбом с прелюдиями Шопена – раритетное издание, над которым так тряслась завуч школы, Елизавета Максимовна Бланш. Она чуть не умерла с горя, когда обнаружила пропажу. Вся школа недоумевала по поводу того, кто бы это мог сделать. Дело в том, что альбом пропал как раз в тот момент, когда в школе, кроме самой Елизаветы Максимовны и трех преподавательниц, никого не было. Двери внизу, на первом этаже, были закрыты: в учительской отмечался день рождения хоровички. Надо было просто вычислить, когда и кто из присутствующих на этом застолье украл альбом.

Наталия узнала об этом на следующий день. Ей настолько было жалко Бланш, что она думала об этом в течение целого дня, а вечером дома сели за рояль и начала играть что-то нервное, громкое и даже неблагозвучное. Словно это играли и не ее руки. И вот тогда она явственно увидела учительскую, накрытый стол с коньяком, икрой и лимоном и даже как будто слышала разговор за столом... Она сидела с закрытыми глазами, и ей казалось, что она находится не у себя дома за роялем, а где-то там, в музыкальной школе. Нечто завернутое в черный целлофан летит из окна прямо в снег. Внизу, под окнами, этот сверток подхватывает мужчина в светлом полушубке. Такой полушубок носит только один известный ей человек – муж хоровички. Его отец – и это ни для кого не являлось секретом – больше двадцати лет был директором туристического агентства.

Придя на следующее утро в школу, Наталия первым делом зашла в учительскую и застала там Бланш, раскрасневшуюся, с растрепанными седыми волосами, безутешно рыдающую у окна. Что поделать, раз такой она сентиментальный человек... Хоровичка, высокая худая женщина с кривоватыми ногами, любительница тем не менее носить короткие узкие юбки, встретившись глазами с Наталией, отвела взгляд в сторону.

– Ну что, так и не нашли? – спросила Наталия, переобуваясь в сиреневого цвета замшевые туфли на шпильках и поправляя массажной расческой и без того аккуратно уложенные самой природой волнистые светлые волосы. Ей никто не ответил. Бланш, не проронив ни слова, вышла из учительской – прозвенел звонок, ее ждали ученики. Хоровичка тоже собралась было покинуть учительскую, но Наталия преградила ей дорогу.

– Я могу сделать так, что вас, Лариса Георгиевна, осудят за кражу дорогостоящего раритетного издания. И никакие адвокаты не помогут.

Она и сама не могла понять, зачем сказала это вслух. Эту фразу она заготовила еще дома, но, уже поднимаясь по лестнице в учительскую, передумала ее произносить. В конечном счете это была ничем не объяснимая самонадеянность, основанная на воспаленном музыкой воображении. А что, если все дело в том, что она просто терпеть не может эту хоровичку, которая раздражает ее своей безвкусицей и тем репертуаром, которым она мучает ни в чем не повинных

детей. Создавалось впечатление, что эта Лариса Георгиевна знает одни лишь советские песни, которые пела, еще будучи школьницей или студенткой музыкального училища, и на этом ее познания в хоровой музыкальной литературе исчерпываются. И тут вдруг Наталия увидела такой страх в глазах Ларисы Георгиевны, такой ужас, что поняла: она попала в самую точку.

– Вы видели? – вырвалось у хоровички, и лицо ее тотчас пошло красными пятнами.

– Да, я видела, как вы завернули альбом в черный целлофан и выбросили в окно.

А на улице вас уже поджидал муж.

– И вы собираетесь сказать об этом Елизавете Максимовне?

– Разумеется. И тогда уж вам суда не избежать. Мало того что вы вылетите из этой школы – Бланш сделает так, что вас не примут вообще ни в какую школу города. Вы же знаете, какие у нее связи...

– Я готова вернуть книгу, – чуть ли не плача промямлила хоровичка, сжимая коричневые худенькие кулачки. – Но что мне надо сделать, чтобы вы молчали?

Наталия усмехнулась. Она чувствовала, что хоровичка у нее в руках.

– Сначала верните книгу, а потом поговорим...

Она не собиралась дальше запугивать воровку. Для нее главное заключалось в том, чтобы книга вернулась к Бланш. В результате этого разговора, на удивление всем, альбом Шопена уже к вечеру этого же дня нашелся в кабинете звукозаписи. Все успокоились, поскольку устали подозревать всех присутствовавших на том злополучном дне рождения. Бланш просто порхала (хотя ей было уже под семьдесят) и казалась помолодевшей лет на двадцать. Лариса Георгиевна уже перед самым закрытием школы зашла к Наталии в класс и, пользуясь тем, что они остались одни, достала из сумочки футляр и протянула его ей:

– Вот, возьмите. Спасибо. – И выбежала из класса. Наталия догнала ее уже на улице.

– Это очень дорогое кольцо с бриллиантами. Оно стоит целое состояние. Я не могу его принять.

Хоровичка остановилась и повернулась лицом к Наталии. В глазах ее стояли слезы.

– Это не я, поверьте мне... Это мой муж, он разбирается в таких вещах... Его отец собирался в Польшу. Это был заказ. Я пасла эту книгу почти год. Я не знала, что Бланш ею так дорожит и что она понимает истинную ценность этого издания. Там на титульном листе есть экслибрис... Словом, в Польше живет человек, которому и принадлежала эта книга. Он обещал хорошо заплатить. Я не знала, что Бланш...

– Заберите назад свое кольцо.

– Ни за что. Вы спасли мою честь. Наталия и не подозревала, что у них может состояться такой откровенный разговор.

– Если вы не возьмете кольцо, то я не смогу остаться в этой школе. Я не буду уверена в том, что... Я вас очень, очень прошу...

И Наталия оставила кольцо себе. Это был ее первый гонорар. Затем была история с коллекцией марок.

Глава 3

БОМЖ И НЕМЕЦКИЕ ФИЛОСОФЫ

Она случайно прочитала в газете, что один человек хочет за три миллиона рублей купить коллекцию немецких почтовых марок с изображением всех философов мира. Это объявление повторялось из номера в номер. Казалось, что это писал приезжий, который точно знал, что эта коллекция находится именно в этом городе. Наталия как-то вечером, закрыв глаза, играла на рояле и вдруг увидела бомжа в лохмотьях. Он вытаскивал из мусорного бака какие-то тряпки, банки и пакеты. Еще не до конца понимая, в чем же заключается ее дар, Наталия с присущим ей любопытством и авантюрной жилкой попыталась выяснить для себя, где находится эта урна, – возможно, она узнает улицу и тогда сможет понять, почему изображение показывает ей именно эту картинку. Для этого она снова закрыла глаза, и вновь перед ней, как на экране в кинотеатре – с той лишь разницей, что изображение было трехмерным, хотя и слегка затуманенным, – возник бомж, роющийся в мусорном баке. Шел дождь, и Наталия почувствовала, как редкие его капли словно залетают ей за ворот ночной рубашки. Это было совершенно удивительное ощущение. Еще немного, и она почувствует своим острым обонянием миазмы, распространяющиеся вокруг этого мусорного бака. Между тем она играла. Импровизировала что-то на тему Гленна Миллера.

А что будет, если она откроет глаза?

Не отрывая пальцев от клавиш, она открыла глаза: видение не исчезло. Тогда она перестала играть: видение пропало. Она вновь сидела в своей комнате за роялем. Уличный фонарь осветил несколько дождевых капель на лакированной поверхности пюпитра.

От всего этого у нее закружилась голова. Что же это такое? Что заставляет ее присутствовать в таких странных местах... И почему именно ее? Потому что эти объявления о марках так ее заинтересовали? Где скрыта та закономерность, позволяющая выбирать из миллионов событий именно те, которые внедряются в ее мозг и заполняют все ее существо на момент игры? Она снова закрыла глаза и коснулась пальцами клавиш.

Появился бомж. Он шел теперь по направлению к рынку. Мелкий серый дождь делал его фигуру расплывчатой, но это был явно он. Теперь Наталия могла уже более спокойно рассмотреть его: черный замызганный плащ, желтая вязаная шапочка, из-под которой выбиваются седые засаленные длинные пряди волос, полоска синих джинсов между нижним краем плаща и оранжевыми, без шнурков, разбитыми и расхлябанными ботинками из облезлой замши. Явно ворованными. В одной руке бомж держал пакет, набитый хламом, который он выудил из мусорного бака. Если бы ей удалось увидеть его не со спины, а заглянуть ему в лицо. Наверно, когда-то он жил нормальной жизнью и, возможно, его любила какая-нибудь женщина. Что привело его к такому образу жизни?

Наталия открыла глаза. Человек продолжал шагать по мокрому асфальту, вжав голову в плечи. Она узнала улицу Мичурина. И тут произошло нечто, что заставило ее удивиться. Бомж зашел в один из респектабельнейших домов. Взялся уверенным жестом за изящную, желтого металла ручку массивной двери и скрылся за ней...

«Пошел грабить», – мелькнуло у нее в голове. Действительно, не может же такой человек жить в доме, где проживают семьи представителей городской и губернской власти! Вспомнив Бланш, ее счастливые глаза, когда обнаружилась драгоценная книга, Наталия поняла, что все, что с ней происходит, – не случайно. Ей словно кто-то подсказывает, что надо делать и по какому пути идти. Конечно, надо действовать, пока не совершено преступление. Срочно

бежать на улицу Мичурина... Но почему именно сейчас? А что, если то, что она только что увидела, произошло вчера или месяц назад?

Она почти с силой оторвала пальцы от клавиш. Ей стало холодно. Словно она сама только что шла следом за бомжем по мокрой от дождя улице. Вот и в волосах застряли дождевые капли. Наталия тряхнула головой, вышла из кабинета и, тепло укутавшись в прихожей и взяв зонт – на улице действительно шел дождь, – вышла из квартиры. Доехав на троллейбусе до улицы Мичурина, она в точности повторила маршрут бомжа – хотя было уже десять часов вечера, а на дворе стоял ноябрь – и остановилась перед дверью с изящной, желтого металла ручкой. Что делать дальше?

И тут дверь распахнулась и чуть не сбила ее с ног. Человек, выскочивший из подъезда, казалось, испугался еще больше, чем Наталия: в свете фонаря она увидела его красное испуганное лицо и совершенно белые, с черными кружками расширенных зрачков глаза. Он был в шляпе и светлом кашемировом пальто. Следом за ним почти вывалилась огромная собака, серый дог с обезумевшими глазами. Наталии показалось, что морда собаки в крови. Но она отнесла это к очередным фантазиям и все-таки с какой-то опаской вошла в подъезд. Дом был старинный, пятиэтажный, с огромными лестничными пролетами и ажурными решетками.

Наталия всегда завидовала тем, кто жил в такой пространственной роскоши. Она принялась подниматься по ступенькам, пока не взглянула себе под ноги и не увидела красную широкую полосу, которая может образоваться в случае, если по лестнице волокут что-то большое и вымазанное в красном. И она как-то сразу все поняла. Бомж. Собака загрызла бомжа. Он, очевидно, собирался забраться в квартиру этого типа в шляпе. И забрался. Его встретил дог, который перегрыз ему горло, а вернувшийся хозяин, увидев такое, живо выволок жертву своего питомца из квартиры и спустил куда-то вниз.

Наталия вернулась на первый этаж и увидела кабинку консьержа, в которой при советской власти дежурили люди в военной форме.

Окна кабинки не светились, хотя дверь была слегка приоткрыта. Наталия открыла ее и увидела в тусклом освещении лежащее ничком тело в черном плаще и желтой шапочке. Она наклонилась над ним и осторожно перевернула его на спину. Ей стало не по себе. Было такое ощущение, словно перед ней лежал тот самый тип в шляпе, который только что вышел из подъезда с собакой. Наверно, бомж являлся ему родным братом. Наталия с ужасом смотрела на разорванное горло несчастного и не могла пошевелиться от шока. То, что этот человек был мертв, не оставляло никаких сомнений: глаза его были полуоткрыты, грудь не подымалась. На всякий случай она взяла его за руку, чтобы пощупать пульс, – он не прослушивался. В руке мертвого бомжа было что-то зажато. Она без труда разжала пальцы и увидела маленький ключ. Такие ключи выдавали на главпочтамте владельцам абонентских ящичков. У Наталии в прошлом году тоже был такой, она выписывала тогда много газет и журналов и, чтобы их не вытаскивали из почтового ящика, купила себе абонемент на полгода.

Выйдя из дому, она позвонила из телефонной кабинки, прилепившейся к дому напротив, по номеру 02 и, изменив голос, сказала, что в доме на улице Мичурина находится труп человека. И повесила трубку. Главпочтамт еще работал, в его окнах горел свет. Наталия уверенно вошла в зал, где стояли ряды деревянных шкафов, нафаршированных абонентскими ящичками, подошла к ящичку с номером 245, который был выгравирован на ключе бомжа, и совершенно спокойно открыла его. Достав оттуда картонную коробку, весившую килограмма полтора, не меньше, она так же спокойно, стараясь не привлекать к себе внимания редких в это время посетителей, вышла на улицу. Взяла такси и поехала домой. В коробке лежал старый альбом для марок. Открыв его на первой же странице, она увидела там марки и все поняла. Наверяд ли ей доведется узнать тайну этого альбома и смерти бомжа, похоже, это, скорее всего, семейная запутанная история. В одном она теперь не сомневалась: человек, дававший эти объ-

явления в местной газете, имеет к ней самое непосредственное отношение. Но и об этом она тоже вряд ли узнает. Единственное, что она теперь сможет сделать, это продать ему марки. Поставив телефон на колени, Наталия с бьющимся сердцем набрала уже запомнившийся ей номер.

– Добрый вечер. Я звоню по объявлению, – сказала она ровным, спокойным голосом.

– По какому? – послышался встревоженный мужской голос. Мужчине было явно под пятьдесят, если не больше. Хотя разве возможно по телефону определить возраст?

– Насчет марок. Или они вам уже не нужны?

– Вы имеете в виду немецкие марки с философами?

– Разумеется.

– Они у вас?

– Да. Иначе зачем бы я вам названивала в такое время. – Наталия старалась говорить тоном женщины капризной и крайне нетерпеливой, раздражительной и самоуверенной. На самом же деле ей было немного страшновато, да и сцену в консьержской она никак не могла выбросить из головы.

– Отлично. Где бы мы могли встретиться?

– Лучше всего в центре. В каком-нибудь кафе, чтобы вы не смогли ограбить меня или, того хуже, пристрелить. Я-то прекрасно знаю цену этим маркам...

– Скажите, а как они к вам попали? – Мужчина на другом конце провода явно нервничал и не мог скрыть этого.

– Я купила их сегодня утром у одного человека. Думаю, вы знаете, о ком идет речь. – Она уже и сама не знала, зачем сказала это.

– Я понял вас, – проговорил мужчина упавшим голосом. – Хорошо, сами назначайте место и время встречи.

– Только прибавьте к сумме, указанной в объявлении, еще один ноль. Видите, я не слишком корыстна. Договорились?

– Да вы с ума сошли! – вскричал мужчина.

– Тогда я найду другого покупателя, это не проблема, – чуть дрогнувшим голосом проговорила Наталия, чувствуя, как тридцать миллионов, превратившись в три, а потом и просто в ноль, ускользают из ее рук. Черт дернул ее за язык!

– Подождите... – Он выдержал паузу, наверно обдумывая ситуацию, а потом сказал:

– Хорошо. Я согласен. Завтра: где и когда?

– В «Ласточкином гнезде», в десять. Я буду в белом вязаном жилете и черных брюках. Учтите, я приду не одна.

А назавтра в «Ласточкином гнезде» она за пять минут поправила свои финансовые дела, обогатившись на тридцать миллионов, которые для скромной учительницы музыки показались колоссальной суммой.

Низенький лысоватый человечек в песочного цвета куртке и светлых брюках подошел к ней и купил альбом с марками. Они обменялись свертками прямо за высоким столиком, на котором ничего, кроме чашки с горячим кофе, не было. Наталия быстро, как только могла, пересчитывала сотенные, а мужчина Дрожащими руками пролистывал альбом. Не сказав друг другу ни слова, они разошлись, с тем чтобы потом никогда не встретиться. Он ушел первым. Наталия взяла себе большое пирожное, допила кофе и сразу же после кафе зашла в обменный пункт и обменяла рубли на доллары.

Вернувшись домой, она сначала долго сидела в кресле, пытаясь осмыслить случившееся, а потом решила понежиться в ванне. В час дня к ней должен был прийти ученик. Ну и пусть приходит. Что с того, что у нее появились деньги? Она не намерена ничего менять в своей жизни. Как работала в музыкальной школе, как подрабатывала частными уроками, так пускай все и остается. Другое дело – найти этому всему объяснение. Сколько ни пыталась она понять,

что же такое с ней происходит, ничего, кроме уникальности ее личности, в голову не шло. Может, именно таким образом и проявляется заложенный в ней талант. Она не стала ни известной пианисткой, как мечтала, ни музыкальным критиком, ни композитором. Закончив музыкальное училище, она с треском провалилась в консерватории на композиторское – никому не понравились ее сочинения в стиле блюз – и решила больше счастья не пытаться, а, устроившись в музыкальную школу, добросовестно обучать детей музыке. Решить – это одно. А привести это решение в исполнение – другое. После первого же месяца работы она разочаровалась в своей специальности. Объяснять по несколько раз на день одно и то же оказалось нитосклизивейшим занятием. Она изо всех сил старалась не заснуть на уроке музыкальной литературы, который часто проходил в кабинете звукозаписи, где стояли старенький проигрыватель и магнитофон, на которых и прослушивались музыкальные произведения. Слушая какую-нибудь оперу или симфонию, Наталия откровенно скучала и не могла дождаться конца урока. В душе она так и осталась ученицей. Другое дело, что надо было постоянно делать вид, что ты старше их (в смысле детей), что ты преподаватель и что тебе надлежит вести себя достойно и не расслабляться на занятиях. Что нельзя, к примеру, присаживаться на стол (даже когда очень хочется), носить короткие юбки и декольтированные кофточки, сосать конфеты или грызть семечки во время занятий, чертыхаться и допускать панибратства по отношению к ученикам. Чтобы хотя бы внешне соответствовать образу строгой и принципиальной учительницы, Наталии, вчерашней выпускнице музыкального училища, склонной к свободной импровизации жизни вообще и внутренне достаточно раскованной в силу свойств своей натуры, пришлось сшить несколько строгих костюмов, пересмотреть прическу (поменять распущенные волосы на заколотую на затылке, сложенную втрое косу) и даже изменить лексику. Таким образом, будучи на протяжении всего рабочего дня искусственно созданной благообразной Наталией Валерьевной Ореховой, преподавательницей общего фортепиано, сольфеджио и музыкальной литературы, затянутой в строгие удлиненные одежды и держащей голову с высокой прической прямо, чтобы не слетели стильные очки в тончайшей золоченой оправе и с простыми стеклами и ставящей двойки с легкостью Иуды, Наталия, оказавшись вне стен ненавистой ей музыкальной школы, превращалась совершенно в другого человека. Едва перейдя на другую сторону улицы, стараясь не оглядываться на старинный особнячок муз-школы, она моментально вынимала из прически все шпильки, и ее волосы платиновой с золотистым блеском волной рассыпались по спине и плечам. Расстегнув возле самого горла тугие перламутровые пуговицы, она обнажала грудь почти до середины и наслаждалась тем, как ветерок (если, разумеется, позволяла погода) озорно играет кружевом блузки, ласково касаясь нежной кожи. Оказавшись дома, она первым делом переодевалась в джинсы или шорты, легкие хлопковые брюки или пижамные шелковые шаровары, просторные яркие футболки, бросалась на кровать и приходила в себя после муторного, однообразного в череде последовательных действий дня. Потом ужинала либо в одиночестве, либо приглашала к себе кого-нибудь из поклонников – бывшего однокурсника, пианиста Рафа Нудиева, преподающего общее фортепиано в хоровой студии, или Сашку Иванова, бизнесмена, занимавшегося перепродажей французских куропаток. Иногда они встречались втроем и отправлялись к кому-нибудь из них на дачу, независимо от времени года. О своем даре она никому из них не рассказала. Незачем. На вопрос, откуда вдруг у нее появились деньги – а это почему-то сильно бросается в глаза, должно быть, у человека, привыкшего постоянно стеснять себя во всем, меняется даже выражение лица, не говоря уже о каких-то вроде бы случайных приобретениях, как, например, платье от Нины Риччи, полное собрание сочинений Сомерсета Моэма, альбом «Модерн», – Наталия отвечала, что ей присылают родители, которые по контракту выехали в Африку «на заработки». Если бы Раф, к примеру, узнал, каким образом она заработала эти деньги, он стал бы ее, скорее всего, презирать. Сашка, в отличие от него, восхитился бы, но в душе ни за что бы не поверил, что посредством этого странного «дара» можно делать такие «бабки». Кроме того, ей нужно было бы многое

объяснять, выкладывать по пунктам, как и почему все это происходит, а ведь она и сама толком ничего не понимала. Поэтому носила свой секрет на замке и время от времени позволяла себе вторгнуться в чью-то жизнь, спутать кому-то карты, причем просто из интереса, а не, как говорится, корысти ради.

И, как правило, все события, свидетельницей которых она как бы случайно оказывалась, не имели к ней лично никакого отношения.

И вдруг теперь этот Антон с его исчезновением. Кто эта женщина, с которой он был в супермаркете? Почему за ним пришли к ней, к Наталии Валерьевне Ореховой? Неужели он действительно так любил ее, что никто, кроме нее, не мог стать причиной его ухода из дому?

...Она играла меланхолию в ее чистом виде, но тревожные диссонансы уже подбирались из нижнего регистра, чтобы смазать эту роскошную трапезу сочных звуков и откровенных настроений...

Глава 4

АВТОМОБИЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Она увидела Антона, занимающегося любовью с незнакомой ей женщиной. Наталия открыла глаза. Все сохранилось. Нет, не так. Она увидела женщину, занимающуюся любовью с Антоном. В супермаркете она показалась намного старше: около сорока. А вот в постели ей можно было дать не больше тридцати – настолько прекрасно она двигалась и настолько одухотворенно было ее нежное, с румянцем лицо и эти глаза, которые она то широко раскрывала, то замуривалась, как девочка, увидевшая что-то непонятное или запретное... Антон же напоминал звереныша, которому дали вина и который, не зная, куда теперь направить свою веселую энергию, тыкался влажным носом в живот своей более опытной подруги, надеясь там утолить свой голод... На самом же деле чувствовалось, что он проделывает эти вещи не в первый раз, но едва сдерживается от соблазна открыть для себя нечто совершенное новое, неизведанное.

Не в силах дальше «подглядывать», Наталия откинулась назад и замерла. Мелодия стихла. В кабинете стало как обычно. За окном, сквозь кружевной, голубоватый от лунного света тюль сыпал и сыпал снег. Где-то теперь Антон?

Любопытство толкнуло ее снова взять несколько аккордов. И она увидела нечто совершенно страшное. Дымящиеся обломки белой машины наполнили комнату запахом гари, жар от пылающего металла обжигал щеки. Кто-то сдавленно стонал. И вдруг от машины отделилась фигура, очень странная, похожая на кентавра. Или нет, просто кто-то пытался вытащить из готового взорваться автомобиля – если он еще не взорвался, Наталии было трудно это определить – человека. Потом подбежали еще какие-то люди. Крупный план – высокий внушительных размеров мужчина несет на руках кого-то в зеленой куртке, из кармана которой выглядывает и вот-вот упадет вязаная пестрая шапочка.

Наталия уже не помнила, как выбежала из квартиры. «Эта ночь, похоже, никогда не кончится». Вывела машину и поехала по пустынным улицам в сторону злополучного супермаркета, словно только там находился источник всех несчастий...

А куда дальше? Как узнать, в какую сторону поехал белый «Мерседес»? Вот она, витрина с разноцветными огоньками. Они так весело переливаются, словно насмехаясь над трагедией, разыгравшейся где-то совсем рядом. Постояв некоторое время в нерешительности и не зная, в какую сторону ей ехать, Наталия вдруг услышала вой сирен. Мимо нее по магистрали промчалась «скорая». За ней – эскорт из милицейских машин. Она развернулась и поехала за «скорой». И не ошиблась. Уже через полчаса она находилась в холле ортопедической клиники и ждала, что скажет ей хирург, оперировавший Антона. Она увидела своего бывшего ученика второй раз за эту ночь, когда юношу выносили на носилках из машины. Судя по его одежде, никаких страшных повреждений не было – на курточке не было ни капли крови. Наталия очень удивилась, когда сестра, к которой она намертво пристала с просьбой рассказать «что-нибудь о мальчике, моем ученике», сказала, что он «чудом остался совершенно целехонек», не считая глубокой раны на ноге, которую ему «сейчас быстро зашьют». Наталия прождала почти час, прежде чем ей позволили войти в палату, где лежал Антон. Он был в сознании и очень удивился, увидев в больнице свою бывшую учительницу. Выглядел он испуганным, был очень бледен, а под глазами залегли фиолетовые круги. Вьющиеся темные волосы влажными кольцами прилипли к вискам. Черные глаза были полны ужаса и выражали немой вопрос.

– Антон, ты как? – Наталия, забыв о существовании своей второй натуры, коснулась губами почти белой щеки Антона и схватила его за руку.

– Где она? – спросил он так, словно Наталия была посвящена во все его интимные тайны.

– Я не знаю, Антошенька. Если хочешь, я спрошу.

– Да, это очень важно.

– Ты мне скажи, как это случилось?

– Мы ехали, а потом на дорогу вышел мужчина... Она затормозила, и в эту минуту раздался удар... Она закричала...

– Ты хочешь сказать, что вы сбили человека?

– Говорю же, не знаю... Спросите, пожалуйста, Наталия Валерьевна, где она?

– Хорошо, успокойся. – Наталия ободряюще улыбнулась ему и вышла из палаты. Отыскав знакомую медсестру, она спросила ее про спутницу Антона. Но та ей ответила, что на месте аварии был найден только мальчик. Ничего не понимая, Наталия возвратилась к Антону.

– Они сказали, что, кроме тебя, там никого не было.

– Они ее не нашли? Но ведь такого не может быть!

– Ты отдыхай, а я поеду в ГАИ и попытаюсь что-нибудь узнать про нее. Ты мне хотя бы скажи, о ком я должна спрашивать? У нее есть имя, фамилия? Я же не знаю, о ком ты говоришь. Ты был с мамой или...

Антон отвернулся к стене, и она увидела, как он вытер глаза.

– Ее зовут Нина. Фамилия Лискина.

– Она твоя тетя?

Мальчик промолчал.

Наталия на цыпочках вышла из палаты. Мысль о том, что она снова ввязывается в какую-то авантюру, не давала покоя. Но уже в машине, мчась на запрещенной в городе скорости под сто километров, она почему-то подумала о том, что письмо, которое ей показывал не так давно Рыжебородый, то есть Матвей, брат Антона, скорее всего, было адресовано не бывшей учительнице фортепиано, Наталии Валерьевне Ореховой, а, скорее всего, Нине. И что Антон сейчас переживает один из блаженнейших и мучительных периодов своей жизни – первую (скажем так, физическую) любовь. Как он отреагировал на то, что его пассию не нашли на месте катастрофы! Разве это не красноречиво доказывает его сильное чувство к этой женщине? Бедный мальчик.

В ГАИ с ней никто не собирался разговаривать, пока она не сказала, что является родной сестрой пострадавшего Антона Лискина. В результате расспросов (а в ГАИ не любят отвечать на вопросы, у них принято задавать их) Наталии удалось узнать, что в машине действительно никого, кроме парнишки, не было. Она возвращалась в больницу со странным чувством невыполненного долга: что она теперь скажет Антону? И она решила пока не показываться ему на глаза. Пусть поспит. Ему наверняка сделали успокоительные уколы. Остановившись, она включила в салоне свет и достала свою записную книжку. Адреса и телефоны учеников составляли 80 процентов содержания. Открыв страницу на букве «Л», она без труда нашла то, что искала, и поехала к Лискиным. Возможно, что они еще ничего не знают... Ей открыла мама Антона, женщина с приятной внешностью; лицо у нее было заспанное и очень испуганное. Кутаясь в теплый домашний халат, она некоторое время отупело смотрела на стоящую на пороге Наталию, пока не пришла в себя.

– Извините. Я так крепко спала. Вы ведь Наталия Валерьевна? Что-нибудь с Антоном?

– Скажите, но почему вы связываете вашего сына с моим именем? Что за idiotские фантазии! – не удержавшись, возмутилась Наталия.

– Вы и сами знаете почему... – Мама Антона, проснувшись окончательно, наконец разобралась, что к чему, и теперь смотрела на посетительницу не иначе как с презрением. – Вскружили мальчишке голову, а сами... Как вам не стыдно?

– Я не видела Антона пять лет. И уверена, что Матвей, ваш родственник, не далее как сегодня, буквально несколько часов назад сказал вам об этом.

– Матвей? Он что, был у вас?

– Послушайте, это уже ваши взаимоотношения, ваши проблемы, наконец.

– Тогда зачем же вы пришли, да еще в такое время? – В эту минуту из комнаты показался и сам Матвей. В халате до пят, глаза сощурены...

– Что здесь происходит? Почему ты не спишь?

– Вы что, тоже здесь живете? – удивилась Наталия.

– А где же еще прикажете жить моему мужу? – с вызовом произнесла мама Антона. Наталия вспомнила даже, как ее зовут: Елена Дмитриевна.

– Так что такое случилось, почему вы здесь?

– Ваш Антон попал в автомобильную катастрофу. Но он жив, – поспешила добавить Наталия. – У него лишь немного повреждена голень. Рану зашили, так что не переживайте.

– Антон попал в автомобильную катастрофу? – Матвей схватился за голову. Видно, он тоже крепко спал, прежде чем его разбудили. – И где он теперь?

– В ортопедической клинике, палата номер три. Но он сейчас наверняка спит.

– Вы что, были там?

– Да, я совершенно случайно оказалась в тех краях... – Она внимательно посмотрела Матвею в глаза. – А вы не знаете, кто такая Нина... Лискина?

Елена Дмитриевна, совершенно придя в себя, пожала плечами:

– Как кто? Сестра моя. А при чем здесь она?

– А где она живет?

– Да вам-то это зачем?

– Дело в том, что Антон был в машине вместе с вашей сестрой. Ведь белый «Мерседес» – ее!

– Да. Вернее, ее мужа. Вы хотите сказать, что Антон был в машине с Ниной? Интересно, где это она его нашла? Мы же просто с ног сбились, а она нашла его и тут же устроила аварию. Впрочем, это на нее похоже.

Елена Дмитриевна разочаровывала Наталию с каждой минутой все больше и больше. Матвей включил свет, и она увидела каждую морщинку, каждую складочку на лице и шее этой женщины, которая напоминала ей теперь старую тряпичную куклу. Глаза ее смотрели с недоверием, и оттого с ней меньше всего хотелось разговаривать.

– Так вы мне скажете, где она живет? – У Наталии кончалось терпение.

– Зачем это вам?

– Если вы на самом деле ее сестра, то почему же до сих пор не спросили меня, что с ней? Жива ли она?

– Да, действительно... Хотя я и так знаю, что с Ниной никогда ничего не произойдет. Так что с ней?

– Ее вообще не нашли. Ни следа. Слово ее там и не было, хотя Антон утверждает, что был именно с ней. Вы же и сами только что сказали, что белый «Мерседес» принадлежит вашей сестре. Я хочу съездить к ней и поговорить...

– Крымская, девятнадцать, квартира шесть. Матвей, собирайся живо, поедem к Антону... Так какая, говорите, палата?

– Я вас подвезу. – Прежде, чем выйти, Наталия еще раз бросила взгляд на эту странную пару, один из которых выдавал себя за брата Антоном усмехнулась: чего ради-то? Подумаешь, разница в возрасте!

В машине Елена Дмитриевна несла какую-то чушь о своей сестре, называла ее почему-то «росомахой», разгильдяйкой, помешанной на деньгах и сексе, и совершенно, казалось бы, не брала в расчет то, что рядом находится в общем-то посторонний человек в лице бывшей учительницы ее сына.

– Вы пойдете с нами? – спросила Елена Дмитриевна, когда они остановились возле входа в больницу.

– Нет, я уже была у него. Уверена, что он сейчас спит. Я навещу его, быть может, утром.

– Подождите. – Матвей, молчавший всю дорогу, вдруг взял Наталию за локоть и отвел в сторону. – Вы извините нас... Особенно Лену... У нее довольно сложные отношения со своей сестрой. А что касается нашего с вами разговора, то прошу прощения. После ваших слов мне многое стало понятным... Скорее всего, Нина и прятала у себя Антона. Она проповедует несколько другой образ жизни, чем тот, которого стараемся придерживаться мы.

Она более свободолюбивый и раскованный человек. Но она-то может себе это позволить, у нее несравненно более высокий уровень жизни – ее муж является директором одного из коммерческих банков, – а мы – нет, поэтому Антон всегда тянулся к ней, словом, к тому, о чем я только что вам сказал...

– А вас не насторожило, что на месте аварии этой самой Нины не оказалось? – задумчиво спросила Наталия, все больше и больше увлекаясь этой историей. Мысль о том, что завтра (вернее, уже сегодня) рано вставать, чтобы идти в музыкальную школу, почему-то не приходила ей в голову. Не дождавшись ответа от Матвея и мысленно простив его за то, что он наговорил ей в полночь у нее дома, она попрощалась с ним (Елена Дмитриевна уже скрылась за дверями больницы) и поехала на Крымскую.

Глава 5

НИНА

Она долгое время боялась открыть глаза. Ее острое обоняние отметило посторонние запахи, а это означало, что она не дома. Но тогда где? Вот уже в течение семи лет она вставала и ложилась в одной и той же квартире, в своей спальне и знала все ароматы и запахи, присущие именно этой пространственной нише. Она никогда не ночевала ни у друзей, ни в гостиницах, предпочитая всему свою комнату, где только и могла чувствовать себя в полном комфорте. Ее спальня соседствовала с ванной комнатой, которую она не променяла бы ни на какие блага мира. Там было все оборудовано специально для нее. Об этом позаботился Глеб. Она вдруг вспомнила, как она отказала ему в последний раз. Она видела выражение его лица и понимала, что делает ему больно, но мысль о том, что ей предстоит провести ночь в объятиях совершенно неуправляемого, молодого и горячего любовника, не позволила ей выполнить свой супружеский долг. Глеб пошел спать к себе в кабинет, вежливо пожелав им обоим – жене и племяннику, который «почему-то» вот уже несколько дней жил у них и, похоже, не собирался уходить, – «спокойной ночи». Антон должен был спать в комнате для гостей, соседствующей с супружеской спальней Глеба и Нины. Они оба потеряли голову – Нина и Антон. И теперь уже никто не смог бы с точностью сказать, кто явился инициатором этой страшной для Глеба, да и для любого другого нормального человека, измены, этого сексуального (не более) партнерства неопытного, но очень откровенного в своих желаниях подростка с взрослой, уверенной в себе и страстной женщиной. Они сблизились совершенно случайно на дне рождения матери Антона, Лены, когда все гости танцевали в большой комнате, а Нина зашла в комнату племянника, чтобы попросить у него таблетку от головной боли. Она и раньше бывала здесь, но никогда не решалась спросить, почему все стены в его комнате завешаны большими фотографиями его бывшей учительницы музыки, Наталии Валерьевны. Вроде бы и так все ясно. А в тот вечер почему-то спросила.

– Мне нравилось, когда она приходила сюда, – сказал, не вставая с дивана, Антон, который до прихода своей тети смотрел телевизор. Он даже не повернул головы в ее сторону, словно ее приход сюда совершенно ничего не означал. «А ведь он мог хотя бы подняться в знак уважения или просто ради приличия», – мелькнуло тогда у Нины, но она внешне этого никак не выказала и просто села рядом с племянником, касаясь его своим боком.

– И что же в ней было такого особенного? – не унималась она. Выпитое вино сделало ее разговорчивой. Ноги стали почему-то ватными, голова приятно кружилась. Если бы она выкурила сейчас хоть одну сигарету, то непременно упала бы.

– Когда она приходила, то садилась вон там, справа от меня, – он махнул рукой в сторону закрытого теперь пианино, – очень красиво закидывала ногу за ногу и когда наклонялась ко мне, то я мог видеть вырез ее блузки, а за ним – грудь.

– Ну и как, красивая у нее грудь?

– Красивая. Небольшая, но очень красивая. Минут за пять до ее прихода я всегда поджидал ее у окна, смотрел, как она перебегает улицу, потом останавливается перед домом и оглядывается, чтобы никто не увидел, как она застегивается на все пуговицы, как закалывает или стягивает в узел свои волосы... Особенно мне нравилось, когда она приходила с дождя... Тогда в ее волосах примерно с час, ровно столько, сколько шел урок, держался запах мокрых листьев, воды и, как мне казалось, реки... – Больше говорить он уже не мог: рука женщины, сидящей рядом, опустилась к нему на колено. Антон вздрогнул всем телом, а потом почувствовал, как к щекам прихлынула кровь и запульсировала в висках, в мочках ушей, в кончиках пальцев и других, более нежных местах.

– Можно я вас поцелую? Вы же все равно пьяная, – неожиданно сказал он и наконец соизволил повернуться к ней.

...Вспомнив все это, она забыла все свои страхи и открыла глаза. Первое, что она увидела, это была одежда, ее одежда, от которой и исходил этот странный запах жженой шерсти. Красный свитер, черные брюки – все это висело на спинке кровати, металлической старой кровати, которую она терпеть не могла и скорее умерла бы, чем легла на такое скрипучее и мерзкое ложе. Комната, в которой она находилась, являлась, судя по всему, спальней, дачной спальней. Потому что пахло здесь еще мышами, сушеными яблоками и всем тем, чем пахнет в нежилых в это время года дачах. Неистребимый дух запустения и близкого присутствия леса или поля. Даже зимой. Быть может, этот запах издают подвешенные к потолку засохшие букеты полевых ромашек и клевера? Стены были оклеены желтыми, в цветочек, обоями, окна занавешены дешевыми тюлевыми занавесками цвета топленого молока. Круглый стол, пара старинных венских стульев с выгнутой спинкой и низкий топчан, покрытый куском красного вытертого плюша. «Боже, как же я здесь оказалась?» У нее волосы на голове зашевелились, когда она услышала шаги. Кто-то медленно приближался к двери... Она закрыла глаза и съежилась под одеялом. И только тогда поняла, что лежит голая. Запах паленого вдруг заставил напрячься память, и она вспомнила заснеженную трассу, автомобиль, мчащийся ей навстречу, и человека, метнувшегося прямо им наперерез... Авария. Антон. Боже, что с ним? Шаги между тем становились все ближе и ближе.

– Кто там? – крикнула она, не в силах и дальше слышать эти невыносимые шаркающие звуки. – Дайте мне мою одежду!

Ручка двери повернулась. Раздался отвратительный, полный сарказма и насмешки скрип. Наконец на пороге возник человек.

– Кто вы? – Ее начало трясти от страха, хотя мужчина оказался довольно-таки красивым и молодым. Он смотрел на нее ясными голубыми глазами и даже улыбался.

– Вы пришли в себя? – спросил он и присел на краешек постели. – Как самочувствие?

– Где я?

– На даче, разве вы еще не заметили вид из окна? – Она повернула голову и увидела в щели между занавесками спокойный зимний пейзаж с полоской леса и ровной поляной посередине.

– Как я здесь оказалась? Верните мне мое белье.

– Зачем оно вам? – все так же улыбаясь, спросил мужчина. «Ненормальный», – пронеслось у нее в голове.

– Я вспомнила, что попала в автомобильную катастрофу. Вы не знаете, что стало с моим племянником? Где он? И почему я здесь, у вас на даче?

– Пусть это вас больше не беспокоит. Я создам вам все условия. Вы не будете ни в чем нуждаться. Успокойтесь.

– Мне надо срочно домой. Меня разыскивает муж.

– Сейчас я вас покормлю.

– Но я не хочу есть.

– Зато я хочу увидеть, как вы едите. Вы очень красивая, знаете? Как вас зовут?

– Эсмеральда, – мрачно отозвалась она и натянула одеяло до самого носа. «Этот идиот убьет меня». И вдруг ей стало все ясно. Ее просто похитили. Этот мужик ехал мимо, увидел, в каком беспомощном состоянии находятся они с Антоном, и, узнав ее, жену директора банка («Нечего было показываться на презентациях и в казино!»), решил сделать на этом деньги. Потребуется у Глеба выкуп, как в дешевом детективе. Как же теперь выкарабкаться?

– Вас зовут не Эсмеральда, – донеслось до нее откуда-то издалека. Она очнулась. Сильно ломило затылок. Наверно, она все-таки пострадала в аварии. – Скажите ваше настоящее имя.

– Это вам ни к чему. Верните мне мою одежду и дайте возможность вернуться домой. Мой муж отблагодарит вас, если вы будете добры ко мне. – Она говорила и чувствовала, что слова ее разбиваются о глухую стену непонимания. Казалось бы, что такого особенного она сказала, что он смотрит на нее как на привидение. Очень странный взгляд. – Не смотрите на меня так.

– Как так?

– Вот так, как вы смотрите. У вас нехороший взгляд, вам никто этого не говорил?

– Мне много кто говорил неприятные вещи. Ну и что ж с того? Каждый человек индивидуален. Так я принесу вам поесть, хорошо? Правда, могу предложить только одни консервы, но вам необходимо подкрепиться. – Он ушел и через несколько минут вернулся с подносом, на котором стояла тарелка, наполненная разогретой фасолью с мясом, стакан крепкого чая и нарезанная ломтиками городская булка. Еще там была ложка и блюдце с треугольничками консервированного ананаса. Она решила про себя, что он прав относительно того, что ей надо подкрепиться. Поэтому на время постаралась забыть о том, в какой странной ситуации оказалась, и, закутавшись в одеяло, принялась за еду. Мужчина вышел из комнаты, потом через какое-то время вернулся, сел прямо перед ней, и когда она подняла глаза, то увидела, что он тоже совершенно голый, а в руках у него смычок, которым он собирался играть на возникшей неизвестно откуда виолончели. Она чуть не поперхнулась и затрясла головой, словно прогоняя наваждение – это зрелище было более чем странным, – на что мужчина лишь удовлетворенно хмыкнул и коснулся смычком струн... Она поела и отодвинула от себя стул с подносом. «Пока он играет, я успею схватить свитер и брюки и выбежать из комнаты», – подумала она. Но мужчина, словно прочитав ее мысли, оставил от себя инструмент и прислонил его к стене:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.